

И.С. Хугаев

Ирлан Сергеевич Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук, Комплексный научно-исследовательский отдел, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук, e-mail: shmiksel@rambler.ru.

Опыт популярной хрестоматии осетинской русскоязычной малой прозы: Батырбек Туганов. «Ханифа»

Сегодня нам предстоит вспомнить Батырбека Асланбековича Туганова (1866–1921), наследственного алдара, погибшего за горскую бедноту, просветителя и писателя, поднявшего осетинскую национальную литературу на новую ступень развития. Заслуга его не в последнюю очередь состоит в том, что он впервые в осетинской литературе дал полноценные образцы в жанре рассказа.

Все рассказы Батырбека Туганова написаны на осетинском национальном материале, но это уже продукт собственно *художественного* качества, свободный от этнографических задач и даже *стихийного* этнографизма, с которого, как мы помним, осетинская литература начиналась и который не был окончательно преодолен (именно в жанре рассказа, освещающем осетинские реалии) ни И.Д. Кануковым, ни Г.М. Цаголовым. Русский язык рассказов Туганова (а он тоже писал исключительно на русском языке) ушел далеко от языка этнографических очерков. Изобразительность и эмоционально-логическая мотивировка сюжетов Туганова гораздо более свободна и раскована, а детали и символы точней, пластичней и емче, чем у всех его предшественников.

Содержание этих произведений (все они написаны во второй половине 90-х гг. XIX в.) отражает внутреннюю работу осетинского сознания в переходных культурно-исторических условиях рубежа XIX и XX вв. Тугановский дискурс сводится к совершенно оригинальной последовательности положений и аффектов: *вождесть и раскаяться* («Ханифа»), *украсть и раскаяться* («Конокрад»), *отомстить и раскаяться* («По адату»), *мечтать и отчаяться* («Пастух Баде»). С тематической стороны не все в равной мере типично: вождедение в этом ряду – феномен особого рода, представляющий именно феноменальный, *экспериментальный* интерес.

То есть, при более детальном взгляде выявляется принципиальное отличие первого рассказа тугановского цикла – «Ханифа»: если в других рассказах поднимаются главным образом социальные и нравственные вопросы горской жизни, то «Ханифа» представляет едва ли не чисто «психологический символ» (термин А. Грина); если другие рассказы реалистичны по материалу, и главным героем их выступает горец-бедняк, «пролетарий», то «Ханифа» с его мрачным пейзажем, людьми с факелами в прадедовском некрополе и театральнo-патетическим финалом – кавказская средневековая «готика», в виду которой социальное положение героя не имеет никакого значения. Кроме того, «Ханифа» ничем не соотносится и с *просветительской* программой. Можно сказать, что все (и смешные, и драматические) перипетии, в которые попадают герои Туганова, так или иначе обусловлены их *непросвещенностью*, – и лишь поступок Хангеря является исключением из этого правила.

Если предшественники Туганова освещали по преимуществу *экстерьер* осетинской жизни, то Туганов предпринял смелую попытку проникнуть в душевный микрокосм соплеменника. Наглядно и разительно это выражается в том обстоятельстве, что впервые в осетинской литературе главные события сюжета (кульминация) происходят не на фоне этнографических декораций, а *внутри* осетинского склепа.

Это один из самых кинжально острых сюжетов и едва ли не самая неожиданная и, в определенном смысле, провокационная коллизия в осетинской литературе XIX века (в силу *натуралистического* рисунка и «физиологизма»; вне сомнений, автору удалось создать для современной ему художественной словесности нечто беспрецедентное. Ибо и случай совершенно нетипичный, исключительный: Коста в очерке «Особа» подчеркивал, что у осетин изнашивание даже не было предусмотрено адатом. Поэтому дело здесь вовсе не в моральной тенденции, как может показаться читателю и критику, не владеющему культурно-историческими реалиями патриархальной осетинской жизни.

Можно предположить, что предлагаемый рассказ Туганова вызовет полярные оценки читателей. Ничего удивительного: ведь и в профессиональной критике и академическом литературоведении вокруг «Ханифы» было сломано немало копий. Традиционному осетинскому (вообще горскому) сознанию имманентен некоторый пуританизм. Тем более замечательным представляется эксперимент Туганова в эпоху, когда осетинская литература только начинала разведывать свою проблематику: как мы увидим, ей уже стали даваться психические провалы и сумерки.

Что и говорить: даже «Бездна» Леонида Андреева (1902) была для своего времени одним из самых полемических произведений – и это в русской литературе, давно достигшей высот, необходимых для упадка (собственно декаданса). Вот, пожалуй, единственная сюжетная и психологическая аналогия осетинской «Ханифы», причем стоит заметить, что рассказ Туганова написан, как минимум, двумя годами раньше андреевского.

Б.А. Туганов
ХАНИФА
(в сокращении)

– Ой, как темно! – воскликнула Ханифа, перешагнув через порог наружной двери сакли, и остановилась.

– Уж не лучше ли остаться мне дома? Бог с ними, с танцами этими. Там и без меня много девушек. Хангерей, оставь меня дома, прошу тебя.

– Опять? Ну, нет уж, пойдём. Не отказывайся, пожалуйста, – проговорил выходящий за нею из освещенной сакли молодой человек в черной черкеске. – Дай твою руку... Так вот и пойдём, – весело прибавил он и, схватив за руку Ханифу, повлек ее за собой.

Ханифа звонко засмеялась и, не отнимая руки, пошла рядом с ним.

– Чего тебе бояться со мной? – сказал Хангерей, когда они вышли за ворота и, свернув налево, направились по дороге за околицей к дому князя Бекмурзы, который в эту ночь праздновал рождение сына.

– С тобой ничего не боюсь, – ответила Ханифа.

– Ну, то-то вот! А то – не пойду... Как не пойти! Скоро ли еще дождешься такого веселья у князя!.. Там так много блестящих гостей. Сейчас танцы в полном разгаре. Девушек сколько! Со всех аулов, кажется, собрались. Одной тебя не было... Я говорю Казбулату – сходи за сестрой, приведи ее сюда. Вот еще, говорит, буду я за сестрой ходить. Сам сходи, если хочешь. С тобой, говорит, пойдет, а больше ни с кем. Ну, я и побежал за тобой. По дороге еще в канаву свалился. Как бы опять не угодить в нее. Надо левее брать.

– Ах, какая тьма! – перебила его Ханифа, – даже неба не видать.

– Да-а, – протянул Хангерей. – Помню я, такая же темнота была три года тому назад, в ту ночь, когда мы с Казбулатом сделались присяжными братьями. Отбили мы тогда табун лошадей у казаков... Если бы казаки нагнали нас засветло, – несдобровать бы нам. Нас ведь всего двенадцать человек было. Темнота спасла нас. Когда были окружены в роще, мы думали, что никто из нас не спасется. Уже прощались друг с другом. Я взял руку Казбулата и говорю ему: прощай! Он пожал мою руку. Прощай, говорит, брат мой, Хангерей! Как сказал он: брат мой, – сердце у меня до боли сжалось. Что со мной сделалось тогда, – нельзя никакими словами передать. Я ведь с детства твоего брата любил. А тут сам он – брат мой – говорит. Я даже задрожал весь и говорю: «Казбулат, хочу умереть твоим братом». Он тогда вынул из кармана маленький коран. Мы оба взяли за него руками и громко поклялись жить, как родные братья, если спасемся, а если кого убьют – тогда же или после, – другой отомстит за него. Когда мы поклялись, все наши товарищи и мы сотворили дуа и приготовились сра-

жаться. Жаркая битва была. Но, слава богу, спаслись. Только двух товарищей потеряли. С тех пор я счастливый человек: Казбулат мне – брат, ты мне – сестра, ваша мать мне тоже мать. Старик – отец мой – очень рад этому. Умру, говорит, спокойно: сын мой не одинокий.

– И я очень рада, – сказала Ханифа. – Иметь таких храбрых братьев, как ты и Казбулат, – большое счастье.

– Ну, ну! Расхвалила... Вот выдадим тебя, красавицу нашу, замуж, – сказал Хангерей, тряхнув ее руку, – и будем к тебе ездить в гости...

– Не смей говорить об этом, – перебила его Ханифа.

Хангерей засмеялся и прибавил было шагу, но вдруг остановился.

– Мне кажется, мы сбились с дороги, – сказал он. – Что-то слишком уж долго идем. Подожди-ка тут, я нащупаю дорогу.

Он выпустил ее руку и отошел. Ханифа осталась ждать на месте.

– Ну? – спросила она, когда опять услышала его шаги.

– Так и есть: сбились с дороги, в поле ушли. Ты где, Ханифа?

– Здесь. Как же быть теперь? – встревожилась она.

– Свернем немного направо. Верно, мы слишком влево забрали.

Свернули. Прошли немного и опять остановились, посоветовались и повернули еще правей. Потом пошли налево. Так сворачивая то направо, то налево, они долго блуждали в поле. Тем временем поднялся ветер, который все крепчал. Тучи на небе начали кое-где прорываться, но тотчас же опять смыкались. Вот сверкнула молния, на мгновение осветившая на небе тяжелые волокнистые тучи, а внизу – чистое, ровное поле, шелковое платье и красивое лицо Ханифы и рядом с ней статную, сильную фигуру Хангерей.

– Ты успела заметить горы? – спросил Хангерей.

– Нет.

– И я не видал. Значит, мы к ним или спиной, или боком стоим; поэтому лучше пойдём обратно.

Вернулись, как им казалось, обратно, но, когда через некоторое время опять сверкнула молния, они остановились в недоумении: гор не было видно и с этой стороны. Грянул гром. Ханифа вздрогнула и прижалась к Хангерей. На лица и плечи их упало несколько крупных дождевых капель.

– А у нас и бурки-то нет, – сказал Хангерей. – Пойдем скорей, авось куда-нибудь доберемся... От дождя бы укрыться.

Пройдя несколько минут почти бегом, они опять остановились.

– Мне кажется, мы проходим мимо какого-то большого предмета, – сказал Хангерей. Он повернул налево и пошел впереди, ведя за собой Ханифу. – Верно! – воскликнул он, останавливаясь. – Вот каменная стена... А вот и вход. Скорей сюда. – И он почти втолкнул в какое-то отверстие Ханифу, а за ней и сам вошел.

В ту же минуту дождь хлынул, как из ведра. Блеснула молния, и при свете ее Хангерей узнал постройку, в которую они вошли.

– Однако мы далеко забрались, – сказал он.

– Где мы? – спросила Ханифа, прижимаясь к Хангерю и дрожа всем телом.

– На древнем кладбище, в большом склепе... Но ты не бойся...

– Ах, уйдем, скорей уйдем отсюда! – перебила его Ханифа. – Я боюсь... Я не могу на кладбище...

– Ну, что за глупости. Как идти в такой ливень? Слышишь, какой шум. Нельзя идти... Переждем здесь... Вот тут у задней стены есть длинный, обтесанный камень, как скамья. Посидим там, – говорил Хангерей, подводя ее к камню и усаживая рядом с собой. Она прижалась к нему всем своим трепещущим телом, закрыла лицо руками и склонила голову к нему на грудь.

– Боюсь, боюсь, – твердила она, – страшно мне, страшно, Хангерей.

– Ну, чего бояться-то, глупенькая? Здесь ведь ничего нет, одни голые камни, – успокаивал ее Хангерей, обняв и ласково глядя ее по головке. – А ты еще говорила, что со мной ничего не боишься. Вот погоди, придем домой: уж посмеюсь я над тобой.

Сверкнула молния, и тотчас же грянул оглушительный гром. Ханифа вздрогнула и как-то съежилась в комок. Хангерей прижал ее к себе еще сильнее и замолчал.

Снаружи происходило что-то ужасное. Ветер и ливень так расшумелись, молнии и раскаты грома были так часты, что, казалось, стихии сметут и уничтожат все на земной поверхности. Страх, смертельный страх сковал уста Ханифы и, как перепуганный младенец, прильнула она к Хангерю, обдавая его нежной теплотой молодого, прекрасного тела. Сначала он незаметно для самого себя наслаждался этой теплотой, охватывавшей его, как ему казалось, со всех сторон, но когда он случайно провел рукой по стройному стану девушки, затянутому в шелковое платье, он вздрогнул и взметнул обеими руками вверх, точно прикоснулся к чему-то страшному.

– Что случилось? – вскрикнула Ханифа, в ужасе хватаясь за его плечи.

– Ничего, ничего, – отвечал Хангерей, – ничего не случилось... Только... прошу тебя... сядь подальше от меня.

– Нет, нет! Я не могу... не пугай меня... я умру от страха, – плачущим голосом проговорила Ханифа.

Он опустил руки и обнял ее, но тотчас же снова отдернул их. Она громко взвизгнула и, дрожа, прижалась к нему.

– Зачем ты меня пугаешь! – всхлипывая крикнула она. – Я умру от страха... Не пугай меня.

Он тряхнул головой и, как бы опомнясь, обнял ее по-прежнему и ласково заговорил.

– Не бойся, не бойся, Ханифа! Не бойся, милая... – Но потом речь его стала ускоряться, и он быстро, прерывисто зашептал ей на ухо: – Не бойся ничего... со мной не бойся... я, видишь, ничего не боюсь... я боюсь только себя... себя... да, боюсь себя...

Она плохо слышала его шепот, но, заметив, что он дрожит и дрожащие руки его блуждают по ее телу, она окончательно потеряла самообладание.

– А-а! И ты боишься чего-то... я чувствую это... значит, мы погibli, да?

Ничего не отвечая, он поднял ее сильными руками, посадил к себе на колени и начал осыпать ее губы и лицо страстными поцелуями. В первый момент растерявшаяся Ханифа не сопротивлялась, но потом вдруг дико вскрикнула, вскочила на ноги и хотела бежать. Хангерей удержал ее за талию и снова привлек к себе.

– Не бойся... не бойся... иди ко мне... не бойся... – задыхающимся голосом повторял он.

Она уперлась руками в его плечи.

– Пусти меня! – крикнула она. – Я не боюсь... я больше не боюсь... я перестала бояться... Отпусти меня... я уйду отсюда... или же ты уходи... я одна тут останусь...

Но он не выпускал ее и все твердил:

– Не бойся... не бойся...

Завязалась неравная борьба. Девушка сопротивлялась и умоляла, но он не внимал ее мольбам. Вдруг рука Ханифы скользнула по кинжалу Хангеря. Она быстро нащупала рукоятку его и в тот момент, когда Хангерей повалил ее на землю, выдернула кинжал из ножен...

(...) Когда Ханифа очнулась, склеп был освещен факелами, и толпа людей теснилась вокруг нее. Она приподнялась и села, дико озираясь, очевидно не соображая, где она и что с ней. Но вот взор ее упал на Казбулата. Она узнала брата и в тот же миг вспомнила все. Закрыв лицо руками, она громко зарыдала.

– На воздух ее, на воздух, – сказал кто-то из толпы.

Ее подняли и повели под руки. Выходя из склепа, Ханифа оглянулась на то место, где, по ее мнению, должен был лежать раненый, но там она увидела только лужу крови.

Хангерей лежал на бурке около склепа.

– Что случилось? – обратился к Ханифе Казбулат.

Она опять закрыла лицо руками и заплакала.

¹Здесь мы опускаем фрагмент, совершенно необязательный с точки зрения идейного содержания, выполняющий чисто техническую задачу – обеспечить «массовку» в последней сцене, чтобы раскаяние Хангеря было засвидетельствовано, и чтобы он получил прощение соплеменников.

– Сестра, говори, что случилось? Кто убийца?
– повторил Казбулат. – Помни, что священный долг мести за смерть моего присяжного брата лежит на мне.

Услышав эти слова, Ханифа вдруг перестала плакать и пристально посмотрела на брата.

– Казбулат! – твердым голосом заговорила она, – долг мести лежит на тебе. Надеюсь, ты исполнишь свою клятву и отомстишь за присяжного брата. Надеюсь, ты не захочешь влачить свою жизнь клятвопреступником...

– Вторично клянусь Аллахом, – отомщу или сам погибну! Назови убийцу, – перебил ее Казбулат.

– Я – убийца, – сказала Ханифа.

Толпа ахнула и заволновалась.

– Я убила его, – продолжала Ханифа, – убей меня! Исполни долг... Стреляй!

– За что убила? – спросил Казбулат.

– Это мое дело... Стреляй...

– Говори, за что?

Ханифа помолчала.

– Он оскорбил меня... Хотел обесчестить.

В это время послышался стон раненого.

– Он еще жив, еще жив, – заговорили в толпе.

– Он умирает, – сказал кто-то, нагнувшись над Хангереем.

– Слышишь? Он умирает, – обратилась Ханифа к Казбулату. – Ты должен убить меня, должен... Стреляй!

Казбулат не двигался и молчал, опустив голову и положив левую руку на серебряную рукоятку шашки. Все молчали. Только легкий ветерок шелестел кругом, да потрескивали факелы. Наконец Казбулат поднял голову. Бледное лицо его, окаймленное маленькой черной бородкой, было спокойно.

– Ханифа! – медленно заговорил он. – Ты не убила моего присяжного брата. Я его лишился в тот миг, как кровь его закипела страстью к тебе, моей сестре...

Раненый со стоном приподнялся, опираясь на локоть.

– Умираю, – внятно сказал он. – Ханифа!.. Спасибо... Спасибо тебе... что убила... Прости мне, Ханифа!.. Прости и ты, Казбулат!.. Я сам не знал, что я такой... зверь...

Ханифа отстранила державших ее под руки людей, подошла к раненому и опустилась около него на колени.

– Бедный, бедный Хангерей, – ласково сказала она, взяв обеими руками его руку и смотря ему в глаза. – Теперь ты опять мой брат. Я знаю, – ты не мог сдержаться... Не мог победить в себе мужчину. Теперь ты не тот... ужасный... нет, нет!.. ты прежний Хангерей, мой милый, храбрый брат.

– Спасибо... спасибо... – тихо сказал Хангерей. – Ты убила зверя... во мне. Жить... таким зверем... не стоит... Благодарю...

Он застонал и опрокинулся навзничь. У него началась предсмертная агония.

Резюме

Итак, Хангерей вновь обретает брата и сестру: драма разрешается подлинным катарсисом для героя. Высокий нравственный пафос рассказа заключается в утверждении человеческого достоинства, несоединимого даже с самыми, казалось бы, *естественными* человеческими страстями и инстинктами. «Что естественно, то не безобразно», – привык считать современник. Туганов, помимо остального, заставляет нас усомниться в этой комфортной, *либеральной* аксиоме.

